

Рец. на кн.: LAN ANH HOANG.
**VIETNAMESE MIGRANTS IN RUSSIA:
MOBILITY IN TIMES OF UNCERTAINTY.**
Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020. 259 p.

Олеся Дмитриевна Меркулова
Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
omerkulova@eu.spb.ru

А н н о т а ц и я : Аналитическая рамка этнографического исследования жизни вьетнамских мигрантов в России, проведенного профессором Университета Мельбурна Лан Ань Хоанг, — «неопределенность». Автор понимает ее как структурные условия, которые делают жизнь мигрантов непредсказуемой и нивелируют их возможность влиять на выбор и его результаты. Неопределенность задается российским миграционным режимом и ксенофобией, вытесняющими мигрантов в неформальный сектор экономики и зону невидимости. Она также переживается мигрантами как субъективный опыт уязвимости. Чтобы раскрыть двойственность неопределенности как структурных условий и как субъективного опыта, первую часть книги Хоанг посвящает основным сюжетам жизни мигрантов в России: переезду в принимающую страну, инфраструктуре для мигрантов, работе и досугу. Вторая часть книги выстроена вокруг традиционных антропологических сюжетов: родства, морали, культурных представлений и того, как они детерминируются в структурных условиях неопределенности и уязвимости. Несмотря на то что Россия — одна из стран-лидеров по числу трудовых мигрантов, исследований миграции в России очень мало, а этнографических работ практически нет. Рецензируемая книга — редкая возможность посмотреть на жизнь мигрантов не со стороны принимающего общества с его наклеиванием ярлыков, а изнутри. При этом выбранная рамка неопределенности не только задает логику анализа, но и позволяет насыщенной этнографией не распастись на отдельные исследовательские находки. В книге показано, насколько глубокие корни пускает неопределенность, как она подрывает основы человеческих взаимоотношений и как вьетнамские мигранты пытаются с ней справиться.

К л ю ч е в ы е с л о в а : вьетнамские мигранты, исследования миграции, неопределенность, экономика миграции, российский миграционный режим.

Д л я с с ы л о к : Меркулова О. Рец. на кн.: Lan Anh Hoang. Vietnamese Migrants in Russia: Mobility in Times of Uncertainty. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020. 259 p. // Антропологический форум. 2023. № 59. С. 173–184.
doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-59-173-184

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/059/merkulova.pdf>

**A Review of LAN ANH HOANG, VIETNAMESE MIGRANTS IN RUSSIA:
MOBILITY IN TIMES OF UNCERTAINTY.**
Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020, 259 pp.

Olesya Merkulova
European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
omerkulova@eu.spb.ru

A b s t r a c t : The analytical framework of an ethnographic study of the lives of Vietnamese migrants in Russia by Professor Lan Anh Hoang (University of Melbourne) is “uncertainty”. The author understands it as the structural conditions that make the lives of migrants unpredictable and eliminate their ability to influence their choices and the results of their choices. The uncertainty is caused by the migration regime in Russia and xenophobia, pushing migrants into the informal sector of the economy and the zone of invisibility. It is also experienced by migrants as a subjective experience of vulnerability. To reveal the duality of uncertainty as a structural condition and as a subjective experience, Hoang devotes the first part of the book to the main themes of migrants’ lives in Russia: moving to the host country, infrastructure for migrants, work and leisure. The second part of the book is built around traditional anthropological themes: kinship, morality, cultural ideas and how they are determined in structural conditions of uncertainty and vulnerability. Despite the fact that Russia is one of the leading countries in the number of labor migrants, there are very few studies of migration in Russia, and there are practically no ethnographies. The book under review is a rare opportunity to have a glimpse of the life of migrants not from the outside perspective of the host society with its labeling, but from the inside. At the same time, the chosen frame of uncertainty not only sets the logic of the analysis, but also prevents the rich ethnography from disintegrating into separate small research discoveries. The book shows how uncertainty runs deep, how it undermines the foundations of human relationships, and how Vietnamese migrants try to cope with it.

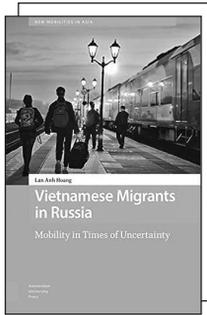
К e y w o r d s : Vietnamese migrants, migration studies, uncertainty, economics of migration, migration regimes in Russia.

To cite: Merkulova O., ‘A Review of Lan Anh Hoang, Vietnamese Migrants in Russia: Mobility in Times of Uncertainty. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020, 259 pp.’, *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 59, pp. 173–184.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-59-173-184

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/059/merkulova.pdf>

Рец. на кн.: **Lan Anh Hoang. Vietnamese Migrants in Russia: Mobility in Times of Uncertainty.** Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020. 259 p.

Аналитическая рамка этнографического исследования жизни вьетнамских мигрантов в России, проведенного профессором Университета Мельбурна Лан Ань Хоанг, — «неопределенность». Автор понимает ее как структурные условия, которые делают жизнь мигрантов непредсказуемой и нивелируют их возможность влиять на выбор и его результаты. Неопределенность задается российским миграционным режимом и ксенофобией, вытесняющими мигрантов в неформальный сектор экономики и зону невидимости. Она также переживается мигрантами как субъективный опыт уязвимости. Чтобы раскрыть двойственность неопределенности как структурных условий и как субъективного опыта, первую часть книги Хоанг посвящает основным сюжетам жизни мигрантов в России: переезду в принимающую страну, инфраструктуре для мигрантов, работе и досугу. Вторая часть книги выстроена вокруг традиционных антропологических сюжетов: родства, морали, культурных представлений и того, как они детерминируются в структурных условиях неопределенности и уязвимости. Несмотря на то что Россия — одна из стран-лидеров по числу трудовых мигрантов, исследований миграции в России очень мало, а этнографических работ практически нет. Рецензируемая книга — редкая возможность посмотреть на жизнь мигрантов не со стороны принимающего общества с его наклеиванием ярлыков, а изнутри. При этом выбранная рамка неопределенности не только задает логику анализа, но и позволяет насыщенной этнографии не распастись на отдельные исследовательские находки. В книге показано, насколько глубокие корни пускает неопределенность, как она подрывает основы человеческих взаимоотношений и как вьетнамские мигранты пытаются с ней справиться.

Ключевые слова: вьетнамские мигранты, исследования миграции, неопределенность, экономика миграции, российский миграционный режим.

Книга Лан Ань Хоанг «Вьетнамские мигранты в России: мобильность во времена неопределенности» — результат трехлетнего этнографического исследования вьетнамских мигрантов в Москве в 2013–2016 гг. В разделе «Благодарности» автор рассказывает историю своего интереса к России. Ее отец был тем, кого сейчас назвали бы высококвалифицированным мигрантом: в 1960-х гг. он изучал физику в Ленинградском государственном университете, затем много лет руководил различными стройками в Советском Союзе и заразил свою дочь любовью к «экзотической стране». Вернулся он во Вьетнам после распада Советского Союза и аннулирования в 1990-х гг. двусторонних соглашений между странами по образовательному обмену и контрактной трудовой

Олеся Дмитриевна Меркулова

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
omerkulova@eu.spb.ru

миграции. Во Вьетнаме такие поездки в Советский Союз были доступны только привилегированным образованным людям. Хоанг и сама мечтала пойти по стопам отца, учиться и работать в России. Но ко времени ее взросления Советского Союза уже не стало, как и особых политических отношений страны с Вьетнамом, создавших волну трудовой миграции в советские годы. Поэтому ее стремления и чаяния нашли другое, парадоксальное выражение — Хоанг провела потрясающую этнографическую работу, приехав в уже совершенно другую страну в 2013 г. и открыв для себя совсем другой Вьетнам. Большинство ее информантов — вьетнамские крестьяне, выходцы из северной части страны, без высшего образования, знания русского языка и легального статуса в России, а не образованный средний класс, как это было в Советском Союзе. Вместе с ними она погрузилась в мир, который в обеих странах принято игнорировать и презирать, — Хоанг жила с мигрантами в одной квартире, ходила вместе с ними на работу на крупнейший московский оптовый рынок «Садовод», посещала вьетнамские швейные фабрики-общезития.

Российские исследования мигрантов, как правило, либо сводятся к анализу логики государственного управления миграционным процессом [Иванова и др. 2022] и механизмов интеграции в принимающее сообщество [Varshaver, Rocheva 2021], либо фокусируются на экономических практиках мигрантов [Hüwelmeier 2013]. Гораздо реже встречаются работы, затрагивающие культурные аспекты миграции и транслокальный характер миграционного опыта, трансформирующего жизнь людей [Каландаров 2012; Бредникова, Абашин 2021]. Работ, где основным методом было бы включенное наблюдение, практически нет. Благодаря этнографическому методу и фокусу на компактной группе вьетнамских мигрантов Хоанг удалось уйти от управленческой оптики и погрузиться в жизни своих собеседников, увидеть не только их экономические практики, но и глубокие изменения в моральном порядке, представлениях о самих себе, чувствах и желаниях.

Чтобы удержать массив разнообразных этнографических данных от распада на увлекательные, но разрозненные виньетки, Хоанг выстраивает исследование вокруг концепции неопределенности (*uncertainty*). Главы книги отвечают на вопрос, как эта неопределенность создается, поддерживается и влияет на различные аспекты жизни вьетнамских мигрантов. Интерес к концепции неопределенности в социальных науках в последние десятилетия связан с вниманием к уязвимым социальным группам (беженцам, мигрантам и пр. [Schiltz et al. 2019]), с культурным релятивизмом в понимании различными сообществами риска и неопределенности [Boholm 2003] и с осмыслением

неопределенности как характеристики постмодерного социального порядка, который Бек назвал «обществом риска» [Beck 1999]. Работа Хоанг и тематически, и концептуально близка к исследованиям уязвимых социальных групп и в этом плане является частью устоявшегося, по большей части западного исследовательского контекста [Williams, Baláž 2012]. Она рассматривает неопределенность с двух точек зрения: как элемент российской политической практики по отношению к мигрантам (включая законодательный режим и управление дискурсами о мигрантах) и как субъективный опыт самих мигрантов, пережитый или воображаемый, в который так или иначе инкорпорирована «неизбежная сила» — структурные условия жизни, на которые они не могут повлиять (Р. 37).

Метафора «неизбежной силы» здесь не случайна. Именно она отвечает за различие *риска* как известной вероятности и *неопределенности* как неизвестной вероятности [Zinn 2004]. Невозможность предсказать, присвоить и повлиять на результаты в будущем становится структурным элементом опыта мигрантов, создающим то самое чувство уязвимости и неопределенности [Afifi et al. 2013]. В то же время многие исследователи миграции указывают, что неопределенность и риск — не только переменные в опыте мигрантов, но и дискурсивные стратегии политических агентов, наделяющих мигрантов атрибутами опасности и формирующих политическую практику управления этой «опасностью» [Williams, Baláž 2012]. Хоанг объединяет эти две исследовательские перспективы, чтобы показать их взаимосвязанность: «Я полагаю, что рутинизация неопределенности в жизни мигрантов в Москве в первую очередь вызвана изоляционистским и коррумпированным миграционным режимом» (Р. 43). Но не спешите закрывать книгу на этом довольно банальном тезисе. Автор обещает голливудские истории о любви и ненависти, доверии и предательстве, союзах и расставаниях, насилии и товариществе — и не обманывает.

Во второй главе описываются особенности постсоветской миграции в Россию и российского миграционного режима. Это не аналитическое описание, а скорее справка для читателя, позволяющая показать широкий контекст российской иммиграционной политики, для которой характерна «напряженность между острой потребностью в рабочей силе мигрантов и сильными антииммигрантскими настроениями в обществе» (Р. 55). Для российского читателя эта информация вряд ли станет открытием, но она показывает, что неопределенность в жизни вьетнамских мигрантов — это не эссенциалистский элемент опыта миграции как такового, а производная широкого контекста от особенностей законодательства до мигрантофобии. Россия занимает второе место в мире по числу мигрантов,

которые сглаживают эффекты демографической ямы на рынке труда, и вместе с тем в России существуют жесткое запретительное законодательство по отношению к трудовым мигрантам (во многих отраслях экономики трудовые мигранты в России не имеют права работать, они также обязаны платить подоходный налог в размере 30 %, получать и ежемесячно оплачивать патент на работу и т.д.), высокий уровень коррупции и неформальной экономики. Исследовательница также подробно рассказывает о мигрантофобии, которая оказывает сильное впечатление на ее информантов. Политические кампании, полицейские рейды и шокирующие убийства середины 2000-х гг. красноречиво свидетельствуют об отношении к мигрантам. Об этом же говорят данные всероссийских опросов¹. И хотя уровень насилия на момент проведения полевой работы снизился, а собеседники Хоанг сами с ним не сталкивались, рассказы о насилии продолжают циркулировать в иммигрантских сообществах как коллективные нарративы о принимающей стране и регулировать повседневные практики мигрантов (которые, например, избегают пользоваться метро, а наземный общественный транспорт ждут не на остановках, а прячась в стороне и при этом пытаясь его не пропустить — р. 211).

В третьей главе Хоанг рассказывает, как российский миграционный режим, где граница между законностью и незаконностью размыта, порождает альтернативную неформальную инфраструктуру, состоящую из всевозможных брокеров и посредников и обеспечивающую жизнь мигрантов на разных этапах: от получения документов и выстраивания отношений с полицией до денежных переводов родственникам во Вьетнам. Эта инфраструктура, работающая на мигрантов, в то же время становится основным источником неопределенности и ненадежности в их повседневной жизни. Ее устройство таково, что мигрантам трудно почувствовать себя в легальном поле даже при наличии необходимых документов. Они никогда не знают, полный ли комплект документов у них на руках, и не могут проверить их подлинность. Альтернативная инфраструктура часто работает как прослойка между реальными ведомствами и мигрантами и ограничивает их доступ к самостоятельному получению документов, позволяя другим зарабатывать огромные деньги на их незнании, нужде и уязвимости. Хоанг приводит яркий пример того, как работает этот бизнес. В 2006 г. в России ввели квоты на иностранную рабочую силу для разных отраслей экономики [Постановление 2006]. Вместо того чтобы давать эти квоты напрямую своим работникам, компании продают их

¹ Например, по данным ВЦИОМ, в 2005 г. 65 % россиян считали, что мигранты усиливают криминальную обстановку в стране. В 2021 г. их доля составляла 57 % [Трудовые иммигранты 2021].

брокерам, а те, в свою очередь, перепродают их мигрантам. Так обстоит дело со всеми сферами жизни мигрантов в России: рынки, фабрики, общежития выстраивают собственный режим для мигрантов, одновременно защищая их, эксплуатируя и изолируя. Но и эта инфраструктура хрупка и не способна гарантировать защиту от регулярного полицейского насилия даже в случае легальности мигрантов, поскольку «все они знают, что документы мало что значат для российских властей» (Р. 90).

Люди, задействованные в альтернативной инфраструктуре для мигрантов, как правило, связаны с правовыми институтами — это полицейские, работники посольства, таможенники и пр. Но наиболее интересные из них — сами вьетнамцы, «ветераны-гастарбайтеры советской эпохи», прекрасно знающие русский язык и хорошо ориентирующиеся в постсоветской правовой системе. Именно они — главные строители этой неформальной инфраструктуры, создавшие брокерские агентства, которые перевозят вьетнамцев в Россию, эксплуатируя незнание русского языка, местных законов и отсутствие образования у их менее удачливых соотечественников. Между брокерами и мигрантами складываются созависимые отношения ненависти и преданности друг другу. Первые соблюдают баланс между эксплуатацией и поддержкой, которая обеспечивает лояльность клиентской базы. Вторые, понимая, что на их бесправии зарабатывают, не могут отказаться от услуг брокеров в стране, где они не знают языка и правил жизни. Многие посредники в этой системе стали таковыми спонтанно: их знание русского языка оказывается на вес золота, когда мигранту нужно решить простейшие бытовые вопросы, иногда приобретающие болезненно острую значимость, — вызвать скорую помощь, устроить детей в школу и т.д. И хотя они часто «превышают» свои полномочия (например, в случае, когда посредник устроил детей из мигрантской семьи в муниципальную бесплатную школу, сказав родителям, что она платная — р. 111), мигранты высоко ценят «гибкость режима», при котором коррупционные схемы дают им возможность оставаться в России.

Четвертая глава рецензируемой книги будет наиболее интересна антропологам. Здесь Хоанг обращается к классическим антропологическим сюжетам: родству, моральному порядку, культурным представлениям — и показывает, как их детерминирует неопределенность. Эти сюжеты встроены в мир между двумя полюсами — вьетнамской культурой и жизнью в России — как «игры с нулевой суммой», где социальная драма разворачивается из-за невозможности соблюдать в условиях жизни мигранта уровень моральных притязаний, предписанных его культурой. Выходцы из крестьянских семей Северного Вьетнама придерживаются конфуцианских ценностей, не индивидуалистических

по своей природе, требующих, к примеру, содержать менее благополучных родственников и позволяющих всегда рассчитывать на свою расширенную семью. В России вьетнамским мигрантам приходится сталкиваться с дефицитом возможностей, с высоким уровнем неопределенности в заработке, с невозможностью предсказать конфигурации своего пребывания в России и с жесткой конкуренцией, которая из-за изоляции в российском обществе распространяется в первую очередь на соотечественников, часто на родственников и соседей.

Какие социальные эффекты это создает? Во-первых, разрыв родственных связей. За редким исключением миграция всегда начинается через семейные связи, которые, как это ни парадоксально, становятся в результате особенно хрупкими (Р. 141). В России вьетнамские мигранты предпочитают дистанцироваться от своих родственников, которые также здесь находятся. Это не осознанная стратегия, а опыт необоснованных ожиданий, неоплаченных долгов, невозвращенных услуг, навязанных обязательств в лучшем случае, а в худшем — эксплуатации и насилия со стороны родственников вплоть до трудового рабства.

Во-вторых, миграция приводит к подрыву доверия к людям в целом. Вьетнамские мигранты никому не доверяют: ни родственникам, ни партнерам по бизнесу, ни многочисленным брокерам, обеспечивающим их защиту. Чем больше они зарабатывают, тем тяжелее им дается доверие. Однако строить бизнес без доверия невозможно, хотя бы без доверия своим партнерам, особенно в торговле, где товарная цепочка является также кредитной цепочкой. И потому отношения в бизнесе между партнерами-мигрантами сопровождаются постоянной тревогой относительно намерений друг друга и сложной игрой на (не)доверии, что часто создает абсурдные, чуть ли не кинематографические ситуации. Преуспевающие мигранты могут, например, увольнять работников, которые «слишком много знают». А разговоры даже между близкими людьми носят характер преднамеренной скрытности. Хоанг приводит типичный рассказ вьетнамского торговца: «Когда я спросила его, знает ли он, что у его лучшего друга Мина в последнее время все было хорошо, он грубо ответил: “Я не знаю. Я даже не спрашиваю его. Даже если бы я это сделал, он никогда не сказал бы мне правды. Тогда зачем мне беспокоиться? Я сам не честен с ним, так как же я могу ожидать, что он будет честен со мной?”» (Р. 130).

В-третьих, единственным источником определенности в жизни мигрантов и потому точкой отсчета в выстраивании отношений и доверия между людьми служат деньги. Это связано и с неформальной инфраструктурой услуг, описанной в третьей главе, и с разрывом семейных и родственных связей, на которые люди

полагались бы в другом социальном контексте. Деньги заменяют моральные обязательства и социальные гарантии, но они же атоمیзируют сообщество вьетнамских мигрантов, многие из которых жаловались Хоанг на отсутствие сопереживания и доверия в их взаимоотношениях в России. Деньги обеспечивают статус-кво в сложившейся системе, тем самым цементируя ее и усиливая неопределенность.

Наконец, разрушение привычного морального порядка в корне меняет представления вьетнамских мигрантов о самих себе. Моральное напряжение между предписанными культурными сценариями и реальной жизнью породило парадоксальную самостигматизацию среди мигрантов. Почти все они высказывали претензии к соотечественникам, глубоко не доверяли им и говорили об отсутствии этнической солидарности в своей среде. Любые преступления против вьетнамских мигрантов, большая часть из которых связана с ограблениями, они всегда объясняют наличием «вьетнамской крысы», сдавшей преступникам пароли и явки. Эти представления часто строятся на оппозиции к «китайской солидарности»: в разговорах с исследовательницей вьетнамцы постоянно подчеркивали, что по сравнению с ними китайские мигранты в России более сплоченные и морально сильные и потому более удачливые. В свою очередь, Хоанг, ссылаясь на исследования китайских мигрантов, утверждает, что «китайская солидарность» не более чем миф и что внутри китайской эмигрантской общины царят те же порядки, что и во вьетнамской [Pieke, Benton 1998].

Хотя сами вьетнамцы объясняют свою тяжелую жизнь собственной моральной несостоятельностью, для Хоанг эти эффекты — неизбежный результат политической и экономической системы, в которой уязвимость и неопределенность узаконены и рутинны. Она справедливо критикует сетевой подход (концепция сильных и слабых социальных связей) в исследованиях мигрантов, где родство, этничность и общее территориальное происхождение рассматриваются как основа для доверия и выстраивания социальной сети взаимоподдержки [Granovetter 1973]: «Невозможно объяснить, почему социальные сети людей одного этнического и культурного происхождения функционируют по-разному в разных контекстах, если более широкие структурные и институциональные контексты остаются за рамками анализа» (Р. 146).

Отдельную главу, которая, по сути, является продолжением четвертой главы, Хоанг посвящает любви и сексу. Сюжет о сексуальности явно не был запланирован и возник в повествовании из этнографии вьетнамского общегития и по совместительству швейной фабрики: часть цеховых помещений превратили в тес-

ные комнаты с перегородками из картона и досок и двухъярусными кроватями. Исследовательнице уже во второй ее приход предоставили подробные отчеты обо всех местных любовных историях, а также связанных с ними драмах и конфликтах. Но этот материал не становится лишь этнографической виньеткой, а пропускается через все ту же аналитическую линзу неопределенности. Хоанг быстро узнает, что в общежитии-фабрике романы заводятся легко и также легко заканчиваются, там практически невозможно жить без пары. Сексуальные связи обладают почти магической предопределенностью, как выразилась одна информантка: «Ты в конечном итоге обязательно переспшишь с кем-нибудь, даже если не планируешь этого. Это то, что делают все» (Р. 163). Такая сексуальная свобода совершенно не похожа на гендерные нормы, принятые во Вьетнаме, но причина этого не в освобождении от контроля и морального давления сельской общины (хотя они безусловно ослаблены), а в пресловутой неопределенности мигрантской жизни, где стремление к совместности полностью перешло в интимную сферу и стало эквивалентом солидарности, которой так не хватает вьетнамским мигрантам. Практически у всех мигрантов, и у мужчин, и у женщин, есть семьи во Вьетнаме, на которые распространяются моральные обязательства. Но, создавая пару в России, они руководствуются практическими соображениями: «Хотя нет сомнений в том, что физическое влечение и даже романтическая любовь присутствуют во многих отношениях на швейных фабриках, правильнее было бы описать их как “близость для выживания”, обусловленную структурными ограничениями и уязвимостью, с которыми мигрантам приходится сталкиваться в повседневной жизни, а не как личные желания и устремления» (Р. 169).

Несмотря на то что главным в сексуальности вьетнамских мигрантов Хоанг считает их структурную уязвимость, она уделяет внимание и побочному результату вынужденных романов — изменению гендерных ролей. Миграция, несмотря на тяжелые условия, дает вьетнамским женщинам возможность в какой-то степени получить свободу, особенно если они преуспевают в торговле, зарабатывая больше мужчин, хотя они могут и натолкнуться на осуждение, например когда встречаются с мужчинами младше себя.

Показав читателю рынок «Садовод», подпольные фабрики и общежития и дав ему физически почувствовать неприкаянность вьетнамских мигрантов, их по-настоящему тяжелую жизнь и постоянный страх перед завтрашним днем, Хоанг посвящает последнюю главу закономерному вопросу: что же мотивирует вьетнамских мигрантов приезжать в Россию и надолго в ней оставаться? И тут читатель испытывает настоящий

катарсис, следя за тем, как исследовательница совершает переход от нужды, страха и уязвимости к надежде. Для бывших сельских жителей из Вьетнама Россия оказалась единственной возможностью изменить свое социальное положение, в буквальном смысле страной, где сбываются мечты — купить дом, дать образование детям. Вьетнамские мигранты ведут в России максимально скромный образ жизни, даже если им удается хорошо зарабатывать. Хоанг отмечает, что невозможно различить успешного и неуспешного мигранта по их образу жизни: люди могут зарабатывать миллионы, но жить так, как будто они едва сводят концы с концами. Россия для них — транзитная и опасная страна, все их устремления связаны с Вьетнамом и намерением наладить жизнь там, и деньги становятся средством для перехода в средний класс следующего поколения. Необразованные сельские жители вкладываются в образование своих детей, даже если оно не окупается. Хоанг приводит в пример историю о дочери мигрантов, которая работает во Вьетнаме учительницей, получая в 20 раз меньше, чем ее родители, торгующие на рынке в России. На предложение взять дочь с собой в Россию, где она будет зарабатывать больше, они ответили категорическим отказом, назвав заработанные в России деньги «кровавыми». Черная работа становится для них способом «обелить» собственных детей и остановить поколенческое воспроизводство неравенства: «Вся ваша тяжелая работа была бы бессмысленной, если бы ваши дети не имели образования. Люди там, снаружи... у них есть образование и знание... у них совершенно другая жизнь. На что пойдут эти деньги, если ваши дети в конечном итоге останутся необразованными?» (Р. 205).

Несмотря на то что по прочтении книги синонимом неопределенности кажется насилие, а вовсе не надежда и удача, Хоанг удается сделать свое исследование объемным за счет сильной этнографической составляющей, создающей портреты живых людей, которые сопротивляются структурному давлению. Обращение к культурным категориям представлений о себе, морали, родства помогает книге не превратиться в активистский манифест или правозащитный отчет и раскрывает нам повседневную реальность людей, живущих с неубиваемым оптимизмом даже в самых тяжелых условиях. Один из торговцев на рынке говорит Хоанг: «Жизнь в России — это одновременно и жертва, и надежда» (Р. 187). Трудно с этим не согласиться.

Источники

Постановление Правительства РФ от 15.11.2006 № 683 «Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской

Федерации». <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63868/>.

Трудовые иммигранты в России: вклад, положение, отношение // ВЦИОМ. Новости. 2021, 18 нояб. <<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie>>.

Библиография

- Бредникова О., Абашин С.* (ред.). «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность. М.: НЛЮ, 2021. 520 с.
- Иванова Н.С., Варшавер Е.Ф., Рочева А.Л.* Каких мигрантов привлекают экономические развитые страны и как они это делают: анализ международного опыта // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15. № 6. С. 811–825. doi: 10.17516/1997-1370-0855.
- Каландаров Т.С.* Брак, секс и развод у таджикских трудовых мигрантов // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 82–91.
- Afifi W.A., Afifi T.D., Robbins S., Nimah N.* The Relative Impacts of Uncertainty and Mothers' Communication on Hopelessness among Palestinian Refugee Youth // American Journal of Orthopsychiatry. 2013. Vol. 83. No. 4. P. 495–504. doi: 10.1111/ajop.12051.
- Beck U.* World Risk Society. Malden, MA: Polity Press, 1999. 192 p.
- Boholm Å.* The Cultural Nature of Risk: Can There Be an Anthropology of Uncertainty? // Ethnos: Journal of Anthropology. 2003. Vol. 68. No. 2. P. 159–178. doi: 10.1080/0014184032000097722.
- Granovetter M.* The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. No. 6. P. 1360–1380.
- Hüwelmeier G.* Postsocialist Bazaars: Diversity, Solidarity, and Conflict in the Marketplace // Laboratorium. 2013. Vol. 5. No. 1. P. 52–72.
- Pieke F.N., Benton G.* The Chinese in the Netherlands // Benton G., Pieke F.N. (eds.). The Chinese in Europe. L.: Palgrave Macmillan, 1998. P. 125–167. doi: 10.1007/978-1-349-26096-6_6.
- Schiltz J., Vindevogel S., Derluyn I., Vanderplasschen W.* Uncertainty in Situations of Forced Displacement: A Critical Interpretative Synthesis of Refugee Literature // Population Space and Place. 2019. Vol. 25. No. 3. Article e2194. P. 1–10. doi: 10.1002/psp.2194.
- Varshaver E., Rocheva A.* “Homeland-Rooted” or Acquired in the Receiving Society: How Does the Composition of Migrants’ “Co-Ethnic” Ties Affect Their Patterns of Integration? // Journal of International Migration and Integration. 2021. Vol. 22. No. 1. P. 347–368. doi: 10.1007/s12134-019-00742-4.
- Williams A., Baláz V.* Migration, Risk, and Uncertainty: Theoretical Perspectives // Population Space and Place. 2012. Vol. 18. No. 2. P. 167–180. doi: 10.1002/psp.663.
- Zinn J.O.* Literature Review: Economics and Risk // Social Contexts and Responses to Risk (SCARR) Working Papers. 2004. No. 2. P. 1–17.

Олеся Меркулова

A Review of Lan Anh Hoang, *Vietnamese Migrants in Russia: Mobility in Times of Uncertainty*.

Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020, 259 pp.

Olesya Merkulova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
omerkulova@eu.spb.ru

The analytical framework of an ethnographic study of the lives of Vietnamese migrants in Russia by Professor Lan Anh Hoang (University of Melbourne) is “uncertainty”. The author understands it as the structural conditions that make the lives of migrants unpredictable and eliminate their ability to influence their choices and the results of their choices. The uncertainty is caused by the migration regime in Russia and xenophobia, pushing migrants into the informal sector of the economy and the zone of invisibility. It is also experienced by migrants as a subjective experience of vulnerability. To reveal the duality of uncertainty as a structural condition and as a subjective experience, Hoang devotes the first part of the book to the main themes of migrants’ lives in Russia: moving to the host country, infrastructure for migrants, work and leisure. The second part of the book is built around traditional anthropological themes: kinship, morality, cultural ideas and how they are determined in structural conditions of uncertainty and vulnerability. Despite the fact that Russia is one of the leading countries in the number of labor migrants, there are very few studies of migration in Russia, and there are practically no ethnographies. The book under review is a rare opportunity to have a glimpse of the life of migrants not from the outside perspective of the host society with its labeling, but from the inside. At the same time, the chosen frame of uncertainty not only sets the logic of the analysis, but also prevents the rich ethnography from disintegrating into separate small research discoveries. The book shows how uncertainty runs deep, how it undermines the foundations of human relationships, and how Vietnamese migrants try to cope with it.

Keywords: Vietnamese migrants, migration studies, uncertainty, economics of migration, migration regimes in Russia.

References

- Afifi W. A., Afifi T. D., Robbins S., Nimah N., ‘The Relative Impacts of Uncertainty and Mothers’ Communication on Hopelessness among Palestinian Refugee Youth’, *American Journal of Orthopsychiatry*, 2013, vol. 83, no. 4, pp. 495–504. doi: 10.1111/ajop.12051.

- Beck U., *World Risk Society*. Malden, MA: Polity Press, 1999, 192 pp.
- Brednikova O., Abashin S. (eds.), *“Zhit v dvukh mirakh”: pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokalnost* [“Living in Two Worlds”: Rethinking Transnationalism and Translocality]. Moscow: NLO, 2021, 520 pp. (In Russian).
- Granovetter M., ‘The Strength of Weak Ties’, *American Journal of Sociology*, 1973, vol. 78, no. 6, pp. 1360–1380.
- Hüwelmeier G., ‘Postsocialist Bazaars: Diversity, Solidarity, and Conflict in the Marketplace’, *Laboratorium*, 2013, vol. 5, no. 1, pp. 52–72.
- Ivanova N. S., Varshaver E. F., Rocheva A. L., ‘Kakikh migrantov privlekayut ekonomicheski razvitye strany i kak oni eto delayut: analiz mezhdunarodnogo opyta’ [What Migrants Do Economically Developed Countries Attract and How They Do It: Analysis of International Cases], *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2022, vol. 15, no. 6, pp. 811–825. doi: 10.17516/1997-1370-0855. (In Russian).
- Kalandarov T. S., ‘Brak, seks i razvod u tadjihskikh trudovykh migrantov’ [Marriage, Sex, and Divorce among Tajik Migrant Workers], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2012, no. 4, pp. 82–91. (In Russian).
- Pieke F. N., Benton G., ‘The Chinese in the Netherlands’, Benton G., Pieke F. N. (eds.), *The Chinese in Europe*. London: Palgrave Macmillan, 1998, pp. 125–167. doi: 10.1007/978-1-349-26096-6_6.
- Schiltz J., Vindevogel S., Derluyn I., Vanderplasschen W., ‘Uncertainty in Situations of Forced Displacement: A Critical Interpretative Synthesis of Refugee Literature’, *Population Space and Place*, 2019, vol. 25, no. 3, article e2194, pp. 1–10. doi: 10.1002/psp.2194.
- Varshaver E., Rocheva A., ‘“Homeland-Rooted” or Acquired in the Receiving Society: How Does the Composition of Migrants’ “Co-Ethnic” Ties Affect Their Patterns of Integration?’, *Journal of International Migration and Integration*, 2021, vol. 22, no. 1, pp. 347–368. doi: 10.1007/s12134-019-00742-4.
- Williams A., Baláz V., ‘Migration, Risk, and Uncertainty: Theoretical Perspectives’, *Population Space and Place*, 2012, vol. 18, no. 2, pp. 167–180. doi: 10.1002/psp.663.
- Zinn J. O., ‘Literature Review: Economics and Risk’, *Social Contexts and Responses to Risk (SCARR) Working Papers*, 2004, no. 2, pp. 1–17.